

Склон зарос колючим кустарником и был густо усыпан острыми камнями. Пока Тан Цзю катился на самое дно оврага, ему казалось, будто его пропустили через жернова — живого места на теле не осталось, каждая косточка ныла от нестерпимой боли.

— Саньсань... — Тан Цзю едва не плакал. — А где мой Золотой защитный колокол?

— [У него ведь время действия всего пять минут!] — 233 паниковал не меньше хозяина. — [Защита спала прямо перед твоим падением! Хозяин, ты цел?! QAQ]

— Плохо, — измученно прошептал Тан Цзю. — Мне в жизни ещё не было так больно.

Он попытался приподняться, чтобы осмотреть себя, но от малейшего движения по телу прокатилась такая волна судорог, словно его ломали на дыбе. В правое предплечье и особенно в голень вонзилась острая, пронзительная боль. Кажется, нога сломана. Удалось лишь слегка повернуть голову. Одежда превратилась в жалкие лохмотья, а сквозь глубокие и мелкие царапины на нежной коже сочилась кровь.

Маленький молодой господин Тан с детства рос изнеженным: безумно боялся темноты и совершенно не выносил физических страданий. Оказавшись в таком кошмаре впервые в жизни, он из последних сил сдерживал рвущиеся наружу слёзы.

— Саньсань, в лавке есть обезболивающее?

— [Есть!] — торопливо отозвался помощник. — [Сто очков удачи. Обменять?]

— Пожалуй, не стоит, — Тан Цзю вздохнул, удушив в себе искушение. Очки было безумно жалко. — Их нужно тратить с умом, поберегу на будущее.

Нельзя разбрасываться ценной валютой, ведь на эти баллы ему ещё предстояло отыскать свою настоящую любовь.

— [Тогда потерпи немного, хозяин! За тобой обязательно скоро придут!]

Тан Цзю слабо угукнул и послушно замер, боясь пошевелиться. Время тянулось бесконечно — то ли прошёл час, то ли все два. Небо стремительно темнело, лес вокруг погружался в зловещую тишину. Температура поползла вниз, и юношу затрясло от пронизывающего холода.

— Саньсань, — прошептал он побелевшими губами. Из-за потери крови сознание начинало плыть. — Мне страшно.

В электронном голосе Саньсаня зазвучали самые настоящие слёзы:

— [Хозяин, ты обязательно справишься! Держись, умоляю, ещё совсем чуть-чуть!]

Тьма и изнуряющая боль, словно два свирепых хищника, медленно сужали круги, готовясь пожрать его. Чтобы не сойти с ума, Тан Цзю закрыл глаза и принялся рисовать в воображении спасительные картины. Он думал о том, как после успешного завершения всех миссий непременно встретит свою истинную любовь. Этот мужчина будет невероятно красивым и нежным, станет носить его на руках, делить с ним любые безумства, потакать капризам и помнить каждую мелочь — от любимых блюд до привычек...

Он будет бесконечно терпеливым, понимающим и заботливым. И если Тан Цзю окажется в беде, как сейчас, этот человек прижмёт его к себе, согреет и ласково успоит...

—... Цзиньчжи...

Едва различимый, далёкий зов оборвал его грёзы. Тан Цзю распахнул глаза и затаил дыхание, вслушиваясь в ночную тишину.

Крик повторился, ближе, отчётливее. В нём билось такое отчаяние и дикий, первобытный страх, что сердце сжалось.

— Цзиньчжи!

Это был Янь Юйчэнь!

Собрав последние крохи сил, Тан Цзю глубоко вдохнул и закричал так громко, как только мог:

— Я здесь!..

Зов тут же оборвался. Раздался треск ломающихся веток и торопливые, путающиеся шаги. Спустя мгновение сквозь заросли к нему выбежал мужчина.

Тан Цзю показалось, что у него начались галлюцинации: стоило князю Дуаню увидеть его, как глаза воина лихорадочно покраснели, выдав рвущееся наружу отчаяние.

Не давая ему времени опомниться, Янь Юйчэнь рванулся вперёд и рухнул на колени прямо в грязь. Его дрожащие руки осторожно, едва касаясь, пробежались по телу Тан Цзю, оценивая масштаб катастрофы.

— Можешь двигаться? — голос генерала ощутимо дрожал.

— Не очень, — прошептал Тан Цзю. — Кажется, сломал правую ногу...

Пальцы Янь Юйчэня судорожно дёрнулись. С трудом сдерживая бушующие внутри эмоции, он глубоко вдохнул и с предельной, почти благоговейной осторожностью приподнял юношу, позволяя ему опереться спиной о свою широкую грудь.

— Потерпи ещё немного, — хрипло проговорил он в самое ухо. — Стража и лекари уже в пути.

Тан Цзю, преодолевая боль, тихо кивнул.

— Прости меня, — Янь Юйчэнь прижал лицо к его покрытому испариной лбу. Мужчина с трудом выдавливал слова сквозь стиснутые зубы. — Прости... Я опоздал.

И от этих тихих, полных раскаяния слов плотина, сдерживавшая слёзы Тан Цзю, окончательно рухнула.

Ещё мгновение назад он гордился собой, думая, что повзрослел, раз смог выдержать и темноту, и боль. Но стоило почувствовать искреннее тепло и заботу, как он понял: ему всё ещё безумно, до дрожи страшно.

Судорожно вздохнув, Тан Цзю уткнулся лицом в грудь Янь Юйчэня, отчаянно пытаясь скрыть беззвучные рыдания. Князь Дуань порывался крепко прижать его к себе, защитить от всего мира, но безумно боялся потревожить свежие раны. Ему оставалось лишь бережно придерживать юношу за плечо, пока вторая его рука со всей силой впивалась в каменистую землю — ногти погружались в грунт едва ли не до крови.

Не прошло и нескольких минут, как сверху послышался шум. Янь Юйчэнь вскинул голову и громогласно рявкнул:

— Сюда! Живее!

Императорские гвардейцы кубарем скатились по крутому склону. Прибывший с ними придворный лекарь, едва взглянув на израненного юношу, побелел и поспешно скомандовал соорудить временные носилки. Тан Цзю с величайшей осторожностью перенесли на них.

— Всё позади, — Янь Юйчэнь склонился над ним, заглядывая в угасающие глаза. — Засыпай.

Испытывая к этому суровому воину странное, необъяснимое доверие, Тан Цзю послушно закрыл глаза. Натянута до предела струна внутри наконец лопнула, и он погрузился в глубокое забытие.

Когда сознание вернулось к нему, он обнаружил себя в покоях дворца Вечного Веселья.

Все раны были тщательно обработаны и перевязаны, сломанную кость на правой ноге вправили и наложили шину, но тело по-прежнему отупело ныло от слабости и тупой, изнуряющей боли.

— [Хозяин, ты наконец-то очнулся! (▽▽)] — радостно запищал 233.

— Я долго спал? — мысленно поинтересовался Тан Цзю.

— [Уже третий день пошёл!] — доложил Саньсань. — [Все эти дни Янь Юйсюань без устали разгребал последствия покушения, а каждую свободную минуту проводил у твоей постели. Он строго-настрого приказал слугам немедленно доложить, как только ты откроешь глаза.]

— Вот как...

Значит, это был не Янь Юйчэнь.

Впрочем, глупо было надеяться. Тот безрассудный воитель способен лишь тайно прокрадываться через окна под покровом ночи, куда ему нельзя открыто нести стражу у постели фаворита своего венценосного брата?

Подавив внезапный укол разочарования, Тан Цзю тихонько закашлялся. Услышав слабый кашель, дежурившие в покоях слуги мгновенно оживились и окружили постель. Один из евнухов со всех ног бросился докладывать императору. Не прошло и четверти часа, как в комнату стремительно вошёл Янь Юйсюань.

— Наконец-то ты пришёл в себя, — император, очевидно, только что покинул тронный зал — он даже не успел сменить парадное одеяние. Сев на край постели, он крепко сжал ладонь юноши и шумно выдохнул: — Цзиньчжи, ты не представляешь, как сильно напугал меня!

Тан Цзю ответил на жест едва заметным пожатием:

— Простите покорного слугу, Ваше Величество. Я заставил вас тревожиться.

Янь Юйсюань покачал головой. Его взгляд, устремлённый на Тан Цзю, потеплел, наполнившись глубоким, нечитаемым чувством.

— Цзиньчжи... Ты уже во второй раз закрываешь меня от стрелы собственным телом.

В облике Тан Цзю не появилось ни капли горделивости или желания выслужиться. Он лишь кротко произнёс:

— Жизнь Вашего Величества принадлежит всей Поднебесной, вы не имеете права рисковать

собой. Мои силы скромны, но пока я жив и нахожусь подле вас, я сделаю всё, чтобы уберечь государя от любой беды.

Слова эти отозвались в душе Янь Юйсюаня мощным эхом, лишив его дара речи от нахлынувших чувств.

С тех пор как во дворец вернулся его возлюбленный Шэнь Кэ, император отдалился от Линь Цзиньчжи, сделавшись холодным и безучастным. Он прекрасно понимал это. Порой в его сердце шевелился слабый укол совести, но он никогда не считал себя по-настоящему виноватым перед супругом Линь и уж тем более не раскаивался в содеянном.

До тех пор, пока не встал на пороге смерти.

Тот роковой миг запечатлелся в памяти Янь Юйсюаня с пугающей отчётливостью. Когда он заметил летящую в него отравленную стрелу, уклониться было уже невозможно. Находившийся в его объятиях испуганный Шэнь Кэ лишь вскрикнул, смертельно побледнел и попытался спрятаться за его спину. Сам правитель застыл, лишившись способности мыслить, уверенный, что этот день станет для него последним.

Но в следующую долю секунды Линь Цзиньчжи направил своего коня наперерез траектории выстрела. Точно так же, как и три года назад, он раскинул руки, закрывая его своим хрупким телом от смертоносного жала.

И это несмотря на долгие месяцы пренебрежения. Несмотря на вопиющую несправедливость. Несмотря на то, что за несколько мгновений до нападения император демонстративно ехал на одном коне с Шэнь Кэ, оставив Линь Цзиньчжи в полном одиночестве позади всех.

Янь Юйсюань всегда полагал, что оба они без ума от него, и даже считал любовь Шэнь Кэ более пылкой и верной — ведь тот хранил верность их чувствам все эти годы изгнания. Но жестокое сравнение расставило всё по местам, открыв ему глаза на то, чья преданность не знает границ.

Цзиньчжи дорожил им больше, чем собственной жизнью. Правитель догадывался об этом и прежде, но, ослеплённый страстью, безжалостно швырнул это сокровище в пыль, позволив ему покрыться грязью забвения...

В памяти всплыл день, когда он впервые привёл Шэнь Кэ во дворец. Цзиньчжи тогда не сумел сдержать горьких слёз. Сколько же раз этот юноша плакал в одиночестве, скрытый от чужих глаз? Сколько немых страданий ему пришлось перенести по его вине?

От этих мыслей лицо Янь Юйсюаня дрогнуло. Раскаяние хлынуло горячим потоком, в уголках глаз вскипели слёзы. Он бережно поднёс израненную руку Тан Цзю к губам и запечатлел на ней долгий, преданный поцелуй.

— Прости... До сих пор я лишь причинял тебе боль, — с глубоким убеждением в голосе произнёс Янь Юйсюань. — Цзиньчжи, клянусь, отныне я никогда тебя не предаю.

— [Внимание! Уровень раскаяния Янь Юйсюаня резко вырос и превысил отметку в 60 баллов!]
— восторженно возвестил Саньсань.

Тан Цзю прикрыл глаза, искусно изображая на лице глубокое потрясение и трепет, хотя в душе лишь презрительно усмехнулся.

Ход мыслей этого венценосного глупца был ясен как день. Шэнь Кэ долгие годы оставался лишь призраком из прошлого, которого память императора с каждым днём раскрашивала во всё более идеальные тона. Обретя этот миф вновь, Янь Юйсюань возомнил, будто его любовь бессмертна.

Но безжалостный свет реальности развеял иллюзии. Стоило столкнуться с настоящей опасностью, как выяснилось: идеальный Шэнь Кэ трусливо прячется за спину покровителя, в то время как отвергнутый Линь Цзиньчжи без колебаний подставляет себя под удар.

И теперь раскаявшийся грешник возжелал вернуть утерянное сокровище.

Вот только не каждая растоптанная трава жаждет вновь прорасти под ногами своего мучителя.

Не желая затягивать этот фальшивый сеанс признаний в любви, Тан Цзю поспешил сменить тему:

— Личности нападавших... удалось установить, кто они?

При упоминании о заговорщиках лицо императора мгновенно потемнело, став суровым и холодным:

— Да. Это прихвостни Учения Великого Спокойствия.

Учение Великого Спокойствия являлось зловещей еретической сектой, пустившей корни в народе ещё со времён основания Великого государства Лян. Спекулируя на суевериях и невежестве простых людей, лидеры секты вербовали бесчисленное множество последователей, регулярно поднимая бунты и сея смуту по всей стране. Поколения императоров Лян вели с ними беспощадную войну, посылая карательные отряды, однако секта отличалась железной дисциплиной и поразительной изворотливостью. Стоило властям прижать их к ногтю, как еретики бесследно растворялись среди крестьян, подобно сорнякам, которые невозможно искоренить полностью.

Взойдя на престол, Янь Юйсюань развернул масштабную кампанию против еретиков, сумев схватить и публично казнить их верховного заговорщика. После этого Учение Великого

Спокойствия затаилось, и государь опрометчиво счёл угрозу ликвидированной. Кто бы мог подумать, что безумие этих фанатиков зайдёт так далеко, что они осмелятся покуситься на жизнь самого Сына Неба!

— Но как они ухитрились заранее пробраться на императорские уголья и устроить засаду? — нахмурился Тан Цзю. На мгновение он замялся. — Неужели среди нас...

— Именно так, — на губах Янь Юйсюаня заиграла ледяная усмешка. — Я и сам не предполагал, что прямо под моим боком пригласилась гадюка из этой секты. Предателем оказался помощник командира Лю — Цзо Ци.

Сердце Тан Цзю пропустило удар.

— Пользуясь подготовкой к охоте и загонем дичи, этот паршивец провёл убийц на территорию и укрыл их в глухих зарослях. Они планировали нанести скоординированный удар и лишить меня жизни. Разумеется, мерзавец уже отведал тысячи ножей и испустил дух в страшных муках.

По спине Тан Цзю пробежал морозный холодок:

— А что же... Командир Лю?

— Брошен в подземелья Верховного суда. Вскоре его казнят, а весь его род будет уничтожен до девятого колена, — безжалостно отрезал император. — Я ни на грош не верю, будто он не ведал, чем промышляет его правая рука. Весьма вероятно, что они действовали заодно. Моей личной гвардии явно требуется основательная чистка.

<http://bllate.org/book/20582/2131037>